

КОТЛЕТА

Оксана Останина

- Это что, ба? – Галя крутила в руках небольшое блюдце.

- Котлета, - прищурилась Таисия.

- В помойку, - Галя скинула темный брусок жареного фарша в мусорное ведро и принялась дальше рыскать по полкам холодильника.

- Погодь-ка, - сорвалась Таисия с табуретки и, качнув филеом, отодвинула внучку от белого ящика. – Смотри-ка, царевна, мясом она швыряется.

Пожилая женщина закричала и полезла за котлетой. Дунула на нее с двух сторон, обтерла рукавом шершавые бока, засунула в старый полиэтиленовый пакетик и припрятала в карман засаленного фартука. Встала попрыг, закрыв собой половину кухню. Не развернуться. В углу раковина времен строительства коммунизма с черными проплешинами отбитой эмали, плита «Лысьва» и «Бирюса» впритык к окошку.

- Есть будешь? – поджала губы Галя и отошла к дверям, минуя пакеты, которые сама водрузила на стол.

- Дуське снесу, - укоризненно посмотрела на внучку Таисия. – Зачем харчи приволокла? Где мне столько сожрать? А в холодильник не лезь. Не ты клала.

- Ба, - обиженно шмыгнула носом Галя. – Я же все для тебя. Я в обеденный перерыв к тебе, чтобы все было. Ты с палкой на пятый не допрешь.

Таисия сложила на груди руки и выжидающе посмотрела на внучку. Та глянула на часы и ойкнула. Пятнадцать минут до конца перерыва, наспех попрощалась и хлопнула дверью.

- Как бабуся? – спросил Шурик, едва Галя открыла пассажирскую дверь старой иномарки.

Та ничего не ответила, села в машину и посмотрела вперед. На заснеженной площадке играли карапузы, а разомлевшие на солнышке мамы щебетали о том, к чему так стремилась Галя. Февральское солнце, не смотря на небольшой морозец, ласкало уставшие от холода лица.

- Как всегда. Не оставит она мне квартиру. Зря катаемся. Я котлету древнюю в помойку, так она вытянула и в пакет. Психушка плачет. Надо матери сказать, пусть бабку пристроят. Поехали, опоздаю. Чего артачится, после смерти все мне отойдет.

Галя не любила престарелую Таисию, и та это знала. От гостинцев не отказывалась, но и хозяйничать не давала. Ползала барыней по трехкомнатной квартире.

- Вот зачем ей одной такие хоромы, - не унималась Галя. - Предлагала же ей однушку в ипотеку взять. Первый этаж, магазин под боком. Поликлиника в двух шагах, хоть каждый день наведайся. Нет. Уперлась рогом.

- Её квартира, что хочет, то и делает, - произнес Шурик.

Хотел беззаботно, да не вышло. Проскрипело в голосе недовольство, не бабкой, Галей. Вроде и девка ничего, да история с квартирой не нравилась. Не по-людски это.

- Ипотеку одобрили. Крыша будет. Нам сейчас много и не надо.

- Я ребенка хочу, - прошептала Галя, едва Шурик остановился у супермаркета, и выскочила.

«Ребенку нужна своя комната», - повторила про себя Галя и уставилась на витрину с деревянной люлькой. Как назло, дорога до офиса шла через детский магазинчик. Она уже подобрала обои для детской и забила в программу по дизайну расположение комнат в бабкиной квартире. Осталось всего ничего, дождаться пока карга сдохнет.

Таисия накинула на плечи куртку и вышла в подъезд. Долго шла вниз, преодолевая боль в коленях. Подолгу стояла на лестничных площадках и все же доползла до почтовых

ящиков. Поковыскала, выискивая Дуську, жившую за мусоропроводом и положила перед ней котлету. Погладила пыльные бока.

- Хорошая ты кошка, Дуська, хорошая. Взяла бы тебя, да сама знаешь, боюсь помру, а ты куда? Подохнешь рядом или опять на улицу. Галька не примет, выпнет.

Дуська не слушала. Жадно трескала, не обращая внимание на кормилицу.

- Бока у тебя расперло, никак нагуляла? – нахмурилась Таисия и разгибаясь вновь закричала.

Прошаркала к ящикам, открыла свой и замерла. В темном проеме светился конверт. Дрожащими руками достала письмо и прищурилась. Буквы расплылись пятнами, не разобрать.

Хлопнули двери, застучали ботинки по стертým ступеням.

- Здорово, бабушка, - поздоровался соседский мальчишка.

Вымахал, уже сам дядька. Подзатыльник не дашь, недопрыгнешь.

- Иди-ка сюда, Колька, - позвала она. – Прочти мне. Хотя, погоди, не надо.

Страшно было, вдруг не то.

- Юлия какая-то, - произнес Колька. – Дальше читать?

- Юлия? – прошептала Таисия и покачнулась, едва удержалась за стену.

- Толстенькая, - удивился Колька, погладив Дуську. – Откормилась.

- Откормилась, - усмехнулась Таисия и посмотрела на свой «Эверест».

Обратно шла тяжело. Задышалась, стояла уже посреди лестничного пролета, и Дуська не отставала. Шла рядом. Садилась поодаль на две ступеньки ниже и мыла лапками длиннющие усы.

Дойдя до квартиры, Таисия дышала долго и натужно. Дуська, терлась о ноги и не собиралась уходить.

«Дуреха, - замахнулась Таисия палкой. – Иди, говорю». Кошка не уходила, нырнула в коридор и пройдя до дверей спальни завалилась у входа. Таисия и сама бы легла рядом, но прошла на кухню. Долго искала очки, потом смотрела на конверт, не решаясь открыть.

Два месяца ждала письма. Год решалась, столько же писала, а теперь получила ответ. Никто не должен знать, тем более Галька. «Паскуда вмиг разорвет», - подумала Таисия и решилась. Резанула ножом по белой бумаге как по собственному сердцу. Достала белый лист в черных точках-буквах. «Не от руки писано, - вздохнула Таисия. – Словно не письмо, а документ безликий».

Вчиталась в первую строчку:

«Здороваться не буду, не жди! Поздновато вспомнила, что у тебя внучка есть. Некому стакан воды принести? Так ты к дочке обратись. Нечего нам напisyвать. Знай, Женька от своей доли не откажется. Завещание против внучки напишешь, я в суд подам».

Несколько строчек на белом листе. Слезы нахлынули, задрожал подбородок и руки. Разбежались буквы-букашки, расплылись по листу. Воздуха стало мало, душно. «Окно бы открыть», - встала Таисия, сделала шаг и упала.

«Мяу, мяу, - настырное и шершавое плещется рядом в темноте. – Мяу!» Сначала с одной стороны, потом с другой. Открыла глаза Таисия, а встать сил нет, только боль, нет не обида, боль. Не поймет ее невестка, ни тогда, ни сейчас. Все из-за квартиры, проклятой. Сколько раз ей душу выматывали, то сын, то дочь. Не понимали, что для них покупалась и для них сейчас хранится. Случись чего, знают, дом есть, мать есть, вещи есть, те самые, которыми сейчас дочь перед внучкой хвастается. И сына вещи есть, и мужа. Последнего не вернуть, а сын. Его Таисия ждала. Десять лет уж ждала. Продай, разменяй, куда он вернется, где дом искать будет?

Боль вновь сжала сердце, застонала, смешалась с мяуканьем волнующейся кошки. «Все квартира треклятая. Ведь звала их к себе, живите. Мне одну комнатку оставьте и живите», - думала Таисия, пытаясь встать и поползла вверх по стене. Села облокотившись.

«Просил сын разменять. Себе хотел купить. Не позволила, - не заметила Таисия, как заговорила вслух. - Поехал на заработки и пропал. Невестка его без вести пропавшим объявила. Просила, умоляла ее, не надо. Вернется сынок». Кошка терлась о руки, а затем села и посмотрела, пронзительно так. Склонила голову и ждет. «Отвернулась невестка, а дочь вроде и обрадовалась, что брат пропал, - продолжила Таисия. – Конкурента мол нет. Галька с тех пор квартиру своей считает. Все ждет, когда меня Бог приберет, а он стервец не торопится. Вот и сейчас не забрал. Оставил. Видать нужна еще для чего».

Таисия встала, тихонько ползла по стене все выше и выше. Бок ныл, да рука дергала, но она не обращала внимание. Солнце уже сорвалось вниз. Быстро скрылось. Чего там зимнего дня.

Таисия принялась разбирать пакеты. Достала два куска мяса и мясорубку из ящика стола, старую механическую. Принялась молотить мясо и разговаривать с кошкой, все душа живая: «Сын котлеты любит. Придет, а я ему свежих».

Долго возилась на кухне: лепила, жарила, смотрела на покрытую снегом улицу в надежде увидеть знакомый силуэт. К утру левую руку разбарбанило, расперло как синюю сардельку.

В обед снова пришла Галя. Долго звонила, но Таисия не открывала, не хотела слушать охи, да ахи. Смотрела на внучку в дверной глазок, на знакомые родные черты и все искала тепла.

Галя достала телефон и заговорила быстро, надрывисто: «Окочурилась походу. Да куда она пойдет, зря я к ней мотаюсь, что ли».

Таисия усмехнулась и рванула на себя дверь. Прошептала ехидно: «Не дождешься», - и снова захлопнула.

Галя ушла, а минут через двадцать взорвался телефон:

- Ма, с тобой все хорошо? Мы же переживаем, - затараторила дочка. – Зачем ты так с Галей.

- Да твоя Галя ждет не дождется пока я умру.

- Она так, с испугу. Чего человек в стрессе не скажет.

- Чего на уме нет, того не скажет.

Таисия бросила трубку и разрыдалась. Опять все не верно. Не так. Сына нет, дочери нет, только кошка.

Три дня Таисия мучалась, а на четвертый не выдержала, вызвала врача. Последний приехал на удивление быстро и десяти минут не прошло, затрезвонил в двери.

«На обходе никак», - подумала Таисия подползая к дверям, открыла не спрашивая и обмлела.

- Женя!

- Бабуля!

На пороге стояла внучка, сынова дочь. Да не одна, с мальчонкой.

- Мама сказала, что ты ей писала. Я не читала, но подумала самое время. Что у тебя с рукой?

- Упала, - отмахнулась Таисия. – Вы проходите. Это кто у нас такой? – согнулась она на сколько смогла.

Мальчонка лет трех спрятался за внучку.

- Большой какой, - обрадовалась Таисия. – Да вы проходите. Радость то какая. Я ведь и не знала, а ты вона какая деваха. У меня жить будете или проездом?

- Бабуля, здесь такое дело. Нет, ты скажи, что с рукой?

Женя вошла в квартиру и посмотрела на Дуську.

- Здорово, хозяйка, за бабулей приглядываешь?

Кошка муркнула, а мальчонка нагнулся и погладил ее.

- Раздевайтесь, я сейчас чаю и котлет. Мигом.

- Чаю хорошо, вот только я тебя о помощи попросить хотела, а с такой рукой. Врача вызывала?

- Да, - кивнула Таисия. – Думала он, а тут вы. Как же я рада. Я, когда письмо получила, чуть от инфаркта не померла. Дуська спасла. Думаю, чеж меня господь не прибрал, а он мне такой подарок приготовил и внушка, и правнук. Как звать то тебя.

- Феся, - гордо ответил малец и пошел знакомиться с квартирой.

- Бабуля, не суетись. Я сама чай налью. Ты послушай меня. Решить надо, что дальше делать, а мне Федора не с кем оставить. Матери не хочу говорит. Я отца искала. Через соцсети у людей спрашивала и ответила мне одна женщина. Пишет, видела похожего, он у них по мусоркам шарит. Очень похож. Я тебе фото покажу, ты глянь. Вроде как документов у него нет. Она у него спросила, откуда сам и знает ли Женю. Так мужчина заплакал.

Таисия села на табурет и уставилась на внушку.

- Вжу, - въехала на кухню любимая сыновья машинка.

- Врача вызывали? - услышалась из прихожей. – Двери открыты, есть кто?

Таисия затаилась. Не вовремя пришла врач, но Женя уже откликнулась.

- Бабуля на кухне. У неё рука.

- Рука, — засопела в прихожей врач, натягивая бахилы, и засемила на кухню, где и так не развернуться. – Что случилось?

Врач, худенькая, невысокая женщина лет сорока с аккуратной стрижкой, обрамляющей красивое, но осунувшееся лицо, пристально смотрела на Таисию, а та только открывала и закрывала беззубый рот. Не будешь же при Женке рассказывать о письме, а так хочется.

- Дуська под ноги, я и шваркнулась, — выпалила Таисия и посмотрела на кошку.

Дуська подняла уши, словно не веря словам, замерла, всё ещё надеясь услышать, что это шутка, помедлила и ушла с кухни. Таисия покраснела и начала хватать ртом воздух.

- Давление? – засуетилась врач и выудила из огромной, местами потёртой дамской сумки тонометр.

Затем посмотрела на опухшую конечность и передумала. Набрала номер и вызвала карету скорой помощи.

- Руку осмотрят и давление. Есть кому сопроводить? – спросила у Жени врач.

- Да, если с ребёнком, — тут же ответила внушка.

- С ребёнком не вариант. Оставьте с кем-нибудь? – пожала плечами врач и засобиравшись уходила.

- С кем? – побежала за ней Женя, но осознав абсурдность ситуации, остановилась.

Хлопнула входная дверь. Качнулась от сквозняка люстра и замерла в тягучей тишине.

- С Колькой! – нашлась Таисия. – Я с ним своё отсидела, пора должок возвращать. Мать его, как сюда переехала, мальчишку на меня повесила. Он мне как родной. Возраста Феди и был. Сейчас вымахал, жених. Толковый парень. Обожди, я его наберу.

Таисия прошаркала в прихожую к висевшему на стене аппарату и зазвенела диском. Обернулась в сторону и заметила удивлённого Федю, да обиженную Дуську.

- Колька, шуруй сюдой, — скомандовала Таисия в трубку и вновь посмотрела на кошку.

Та всё ещё сидела на пороге спальни и делала вид, что разглядывает солнечных зайчиков. «Да ладно тебе дуться. Судьба твоя такая. Меня от безвыходности спасать», — подумала Таисия, все ещё сжимая в руках телефонную трубку.

- Принести чего? – с порога закричал Колька и посмотрел на кошку. - Вот ты где? Нашлась пропажа, — искренне обрадовался он. – Я и в подъезде искал, и на улице. Нет нигде. Думал, дворничиха выкинула. Хотел ей спичек в замок напихать, — Колька осёкся. – Только хотел.

- Хотел он, хулиганьё, — строго посмотрела Таисия. – Посиди с мальцом. Внушка ко мне приехала, а здесь рука, едрит её. Врачиха наша скорую вызвала и тикать. Посидишь?

Колька пожал плечами и уставился на Федю, который всё еще зачарованно смотрел на телефонный аппарат.

- Останешься со мной? – присел на корточки Колька и, заметив Женю, брякнул. – Здрасте.

Женя кивнула в ответ и посмотрела на сына. Боязно с кем ни попадя ребёнка оставлять.

- Покрутить дашь? – насупился Федя.

- Я вам накручу, хвосты. В комнату идите. Холодильник знаешь где, покормишь пацанёнка. — буркнула Таисия с напускной строгостью. Обернулась к Жене. – Не боюсь, у меня не забалуют. Сама воспитывала, как сына.

Таисия почувствовала, как трясётся подбородок, накатили предательские слезы и руки стали ватными, чужими.

- Покажи карточку, — всё еще сжимала она трубку телефона, из которой доносились отрывистые гудки.

Раздался стук, твердый, тяжёлый. «Нелегкая вас принесла», — подумала Таисия и толкнула едва прикрытые Колькой входные двери. Она уже знала, что это со скорой и не ошиблась. Парень, совсем мальчишка, уже лет тридцать все казались Таисии слишком молодыми, заправски осмотрел руку и, махнув на двери, выпалил:

- Собирайся, дамочка, поехали. Что затинула так? Одна будешь?

- Орёшь чего, не глухая. Внучка со мной. Обожди минуту, соберусь.

Фельдшер ей сразу понравился. Басовитый, свой. Незаносчивый, как некоторые. Приедут и от человека шарахаются, морщатся брезгливо.

Дуська прошла вдоль стенки и собралась было в подъезд, но фельдшер подхватил кошку на руки:

- А вас, пушистая, просим остаться, дом постеречь.

Обиделась она, — натягивала шапку Таисия. – Оболгала я свою спасительницу. Вот жеж кастрюля пустая. Переодеться забыла.

- Поторопись, хорошая. Не одна ты у нас такая расторопная.

Фельдшер протянул Таисии кошку и посмотрел на Женю.

- Помогите, дамочке приодеться. Без руки не с руки.

Женя кивнула и пошла за Таисией в комнату. Помогла натянуть старенькие брючки и выцветшую от времени кофту. Сама достала из потёртого шкафа платочек и повязала на шею Таисии. Окинула взглядом пожилую женщину и погрузилась. Не тянула она на зажиточную, да и на жадную стерву тоже, как любила отзываться о свекрови мать. Не обманули Женю воспоминания. Помнило детское сердце тепло.

- Женщины, время, — донеслось с прихожей.

- Идём, — отозвалась Таисия и заковыляла в коридор, затем остановилась в дверях спальни, вернулась к подоконнику и чмокнула недовольную Дуську в холодный нос. – Прости старую, останься.

Дуська махнула хвостом и уставилась во двор на снующих внизу людей. Женя улыбнулась, но, проходя мимо бывшей комнаты отца, не удержалась, заглянула. Сердце не на месте, с незнакомым оставляет сынишку. Делать нечего, не разорвёшься. Федя хохотал, а Колька читал ему какую-то детскую книжку. Женя проскользнула мимо приоткрытых дверей и уверенно направилась к выходу.

Долго шли по лестнице. Затем тряслись по колдобинам оттаявшего днём, но прихваченного вечерним морозом асфальту. Время замерло. Дорога в больницу казалась невыносимо долгой. Женя смотрела в окно, а в мыслях уже летела на поезд. Опоздает сегодня, следующий лишь через сутки. Отпуск короткий. Взяла за свой счёт десять дней. Трёх уже нет. Матери соврала, что на отдых, а сама к бабушке. Кто ж знал, что здесь такое.

Сидели в переполненном приённом покое, где, на удивление было тихо. Гул тонул в белых стенах, поглощался такими же бахилами и цеплялся за шуршащие халаты врачей. Все сидели в телефонах и изредка перебрасывались словами. Женя тоже достала смартфон, полистала и протянула задумавшейся о своём Таисии светящийся экран: «Глянь, бабуль».

Таисия вынырнула из воспоминаний. Резко, словно нарушивший инструкцию глубоководник. Гул, тихий, но пронзительный, обволакивал, тянул к чьим-то карточкам, анализам, переломам.

- Что, Женечка? – нагнулась она пониже, всё ещё не веря, что у внучки уже свой малец.

- Глянь на фото, папа, нет?

- Протасова! – крикнула медсестра, и Женя подняла руку.

- Мы здесь.

«Что ж за день такой, — причитала Таисия, ковыляя на рентген. – Не даёт мне господь на сыночка глянуть». Ушла с головой в бесконечные бумаги, чувствуя, как ноет измученное сердце.

Женя вышагивала по холлу приёмного покоя и молила господа поторопить врачей. Всего три часа. Как раз увезти бабушку, забрать дорожный рюкзачок и на поезд. Зелёные цифры на большом светящемся экране то замирали, то неслись, сменяя одну за другой. Впереди мелькнуло знакомое лицо. «Галя? Точно, сестра», — остановилась Женя и закричала:

- Галя, мы здесь!

Девушка завертела головой, поймала взглядом Женю и зашипела:

- Ты то откуда?

- Кто это? – тихо спросил Шурик.

- Сестра, — также тихо ответила Галя, — двоюродная.

Выпрямилась, натянув фальшивую улыбку на американский манер, с которой встречала всех клиентов небольшой юридической фирмы. Губы расползлись, обнажив идеально ровные зубы, результат двухлетнего мучения в брекетах. Ресницы затрепетали, как у старого пупса, вот только серые глаза остались холодными. Направилась к Жене быстрым пружинистым шагом и раскинула руки, готовясь к объятиям. Шурик пошёл следом, разглядывая незнакомую девушку.

Они были похожи. Не спутаешь – сестры. Вот только цвет волос у Жени русый, а у Гали в отца, тёмный. Но другое сразу бросалось в глаза. Мягкие черты у одной и вычерченные у другой. Идеальная Галя и милая простушка Женька.

Галя легла на плечо сестры, отвернув в сторону голову и брезгливо скривила губы. Женя, напротив, искренне чмокнула в щеку и затараторила.

- Я тебе писала. Ба...

- Сочувствую, — перебила Галина сестру. – Нам всем будет её не хватать.

- Кого? – отстранилась Женя.

- Таисии, — исподлобья посмотрела Галя, — разве ты не с ней.

- С ней, — рассмеялась Женя. – С бабушкой всё хорошо, надеюсь. Но точно не настолько плохо.

Галя осунулась, и Женя принялась её утешать.

- Зря разволновалась. Бабулечка руку повредила. Сто процентов перелом, а я так надеялась с ней сына оставить, — посмотрела Женя на мелькающие зелёные цифры. – Через два часа надо быть на вокзале, но я не успею.

Только Шурик понимал истинные причины грусти возлюбленной. В такие моменты он гнал от себя мысли об очевидном, успокаиваясь тем, что все мы люди. «Кто без греха», — твердил он про себя, как заклинание.

- Сына? – подняла глаза Галя. – Где он?

- У бабушки в квартире остался.

При слове «квартира» Галю передёрнуло, и она принялась лихорадочно считать. Двери открыл парень. Он ни при каком раскладе не мог оказаться сыном дядькиной дочери. «Наследником какой очереди он будет?» — думала она и сползла с рук сестры на металлический стул.

- В отпуск собрались? – спросил Шурик, чтобы разрядить обстановку, но, заметив огорчение Жени, продолжил. – Могу вас подвезти. Галя бабулю подождёт, а я вас за сыном и на вокзал.

- В том и проблема, — поджала губы Женя. – Я сына бабушке хотела оставить. Мне за отцом съездить надо. Не хочется Федьку по вокзалам таскать.

- Дядей? – совсем обникла Галина.

- Да, — оживилась Женя. – Посмотри. Может, узнаешь. Я до конца не уверена. Боюсь, что желание затмевает разум. Хочется видеть больше, чем есть. Я ещё и поэтому к бабушке приехала. Она всяко сына узнает.

Женя перелистывала экраны, пока не нашла фото.

- Гляди.

Галя с Шуриком уставились в телефон. На размытом снимке уставший мужчина с распухшим лицом. Беспорядочная грязная одежда и разбитые руки.

- Трудно сказать, — пожалала плечами Галя. – Я дядю не помню. А с сыном что? «Во сколько же она его родила?», — пристально смотрела Галя на сестру.

- Маленький ещё. Три года.

- А парень в квартире?

- Это Костя, — засмеялась Женя.

Галя засмеялась вместе с ней. На этот раз искреннее. Шурик любил такие моменты. Только он знал Галю настоящей и от этого ещё больше любил, когда она становилась собой.

- А я считаю, считаю, а спросить неудобно, — улыбалась Галя.

- Давай Федю к себе возьмём. Ты же хотела попробовать, как это, — предложил Шурик.

Галя зыркнула, да так колко, что Шурик оторопел.

- Работу куда?

- Отпуск возьми. За бабусей приглядишь и за пацанёнком. Отец - дело святое, тем более в такой ситуации. Вам бы с мужем поехать, — обратился он к Жене.

- Мы в разводе, — выпалила Женя и спрятала глаза.

- Друга, брата? – продолжил Шурик

Но Женя лишь кивала.

- Даже если бы и был. Последний билет куплен, теперь и его могу потерять.

Женя разом помрачнела, опустила плечи.

- Дурость, — отозвалась Галя. – Ехать в чужой город, искать неизвестного мужика без стопроцентной гарантии, ещё и одной.

- А ты бы не поехала? – усмехнулся Шурик.

- Нет, — уверенно ответила Галя и вернула телефон Жене.

Таисия сидела в пустом холодном коридоре и ждала результаты рентгена. Откуда-то долетали слова, смысл которых было не разобрать, ходили люди в белых халатах, громыхали каталки, а она замерла. Время текло мимо. Отчего она в очередной раз прокручивала в голове разговор с Женей. Что если это действительно сын. Забытый всеми, такой же одинокий, как сейчас сама Таисия, невидимка в людском потоке, спешащих по своим делам.

Там в конце коридора Женя, с которой запросто можно добраться домой, но здесь тишина и беспомощность. «Поеду с ней», — ожила Таисия и резко встала, отчего тут же качнулась обратно. «Нет, сама буду грузом», — подумала она и предательская слеза покатила по морщинистой коже. «Десять лет ждала и ещё подожду. Денег надо дать и котлет, — размышляла она. - Даже если не мой, пусть поможет. И у него есть мать. Не я, так она пусть дождётся».

Слёзы текли быстро, скользили по носу, минуя губы и расплывались пятнами на сером листе направления.

- Кто с бабушкой? – остановилась рядом с Таисией милостивая женщина в белом халате и огляделась по сторонам. – Давно сидите?

- Не знаю, — пожалала плечами Таисия, потерявшая счёт времени. – Скорее бы, там внучка и правнук он к сыну собралась, да со мной застряла.

Женщина принялась дёргать ручки соседних кабинетов и, замерев у открытой двери, начала громко, отчитывать медсестру.

В коридоре показалась красная от обиды девушка, подлетела к Таисии, схватила её за больную руку и потянула на себя. Пожилая женщина охнула. В глазах потемнело.

- Вы в своём уме! — раздалось над головой. – Пишите заявление. Пройдёмте, бабушка. Я сама вас проведу. Извините и меня и ее.

Дело пошло быстрее, и через полчаса Таисия уже сидела с гипсом.

- Вот и славно, — вошла в перевязочную, сопровождавшая Таисию женщина в белом халате. – Давайте я вас провожу. Руку берегите и если что звоните, — сунула она визитку. Вы так на мою бабушку похожи.

- Все мы чьи-то, а вы наши, — кивнула Таисия и, переваливаясь с ноги на ногу, зашаркала рядом с доктором.

Завидев знакомые силуэты, она не сдержалась.

- Принесла же её нелегко.

- Кого?

- Дочкину девку.

- Не любите внучку, — остановилась доктор.

- Люблю, и от этого мне совсем плохо делается. Не смогла дочь воспитать правильно, оттого и внучка ершистая. А теперь уже поздно.

- Кто узнает, — подмигнула доктор и закричала фамилию Таисии.

Женя благодарила горячо и долго, достала из сумки небольшую шоколадку и засунула в карман доктора. Галя стояла поодаль и от нетерпения переминалась с ноги на ногу. Усталость терзала ноги, а страх душу. «Теперь бабка, точно отвернётся», — подумала она и выпалила.

- Ба, Шурик нас отвезёт, а потом и Женю до вокзала.

- Куда мне теперь, — посмотрела Женя на руку Таисии. – Бабуле самой уход нужен.

- Я возьму отпуск, присмотрю за племянником и ба, — выдавила Галя, зная, что придётся выслушивать ор начальства и недовольство всего коллектива.

- Ты лучшая, — принялась обнимать её Женя, потом Шурика и целовать Таисию.

В машине ехали молча. Также поднимались по лестнице. Галя убежала вперёд, а Женя и Шурик поддерживали Таисию, стояли для отдыха и шли дальше.

В сумраке неяркого подъездного освещения раздался звон, отчего все трое вздрогнули.

- Это напоминание, — вздохнула Женя. - Сейчас я должна нестись на вокзал.

- Так несись. Я сама доковыляю. И вот на, — Таисия достала из кармана пальто карточку. – Деньги понадобятся.

Женя принялась отнекиваться.

- Девоньки, прибавьте шагу, иначе точно не успеем. Деньги надо будет, — позвонит, найдём. До вокзала домчим. Пробок уже нет. Давай, бабуся, как спринтер, — засмеялся он.

И Таисия действительно прибавила шагу.

- Женя, ты за вещами, с сыном целуйся, вещи бери и вниз. Галю позови, пусть у меня бабуся примет, если до того времени не домчим.

Женя кивнула и запрыгала по ступенькам. В квартире было тихо, только Галя шуршала на кухне, проверяя холодильник. Быстро обернулась и увидев, что Женя одна, продолжила перебирать продукты.

Федя спал в обнимку с кошкой. Костя уже успел уйти к себе, пока Женя с Таисией карабкались по бесконечной лестнице. Чмокнув сына, она тихо вышла из комнаты, схватила сумку и пошла вниз. Таисия с Шуриком были уже рядом.

- Беги, — кивнул он. — Я рысью.

Шурик не соврал, домчал до вокзала. Потом бежали к нужной платформе, искали поезд и слушали стук колёс. Не успели.

Женя рыдала, по-настоящему, навзрыд. Причитала, а потом села на лестницу и обхватила голову руками.

- Пошли, — потянул её Шурик. — Нет поезда, есть машина. Только с работы отпрошусь. Оно и к лучшему. Я б места себе не нашёл, — приговаривал он, ища в телефоне номер напарника.

Долго объяснял, а сам подмигивал Жене. Небоись, прорвёмся.

«Почему ты?» — нудила в трубку Галя, сидя на небольшой кухне, затем, осознав, что ничего не добьётся, сбросила вызов и уставилась на старую кафельную плитку. Таисия закрылась в своей комнате. Двоюродный племянник спал в другой комнате, а за тёмным окном выл ветер, бросая в стекло пригоршни снежных хлопьев.

Всё шло не по плану: бабка, мальчишка сестра, чёрт бы её побрал, и Шурик. «Слишком заинтересованно он на Женьку смотрел», — покрутила Галя в руках кружку с остывшим чаем и вновь полезла в холодильник, из которого несло вездесущими котлетами. Галя взяла одну, надкусила, хмыкнула от удивления и откусила ещё раз. Она оказалась на удивление вкусной. Протянув руку за ещё одной? Галя услышала «мяу». Дуська обтёрлась о вельветовые брюки, оставив на штанине шерсть. Галя поморщилась и пнула кошку. Затем закрыла глаза и кинула ей котлету.

«Теперь всю одежду придётся чистить», — пробурчала Галя и стала осматривать брюки, которые оказались покрытыми бело-серыми шерстинками.

Стрелки почти доползли до двенадцати, и Галя пошла в комнату к мальчику. Сняла в полутьме покрывало с бывшей кровати матери и почувствовала запах свежего белья. Таисия каждую неделю перестилала, ждала, готовилась.

Старая кровать заскрипела, словно подстраиваясь под новую хозяйку, и затихла. Галя смотрела в потолок. Она и раньше ночевала и бабушки, но это был так давно. Вспомнилось детство и друзья, с которыми гоняла по детской площадке со скособоченной горкой, железными качелями, летящими навстречу солнцу, и с растасканным по траве песком.

«Сколько лет прошло, десять?» — задумалась она, вспоминая лица Таньки, Серёги и Тимура. Последний жил как раз под бабкой, на четвёртом. Родители съехали, а на их месте появилась тётка с карапузом, с которым потом возилась Таисия, а Галя ревновала, да так сильно, что отказалась ездить. Настолько любила, что не хотела делить.

«Любила?» — вспыхнуло слово трещинами на потолке. Как она могла это забыть? И котлеты, и пирожки, мягкие с хрустящей корочкой, и куклу с жёлтыми волосами и глазами цвета неба, и старую рацию на нитке, которую спускала с форточки Тимуру.

В густой словно туман тишине слышалось ровное сопение мальчика и Галя почувствовала, как проваливается в сон. В ногах появилась тяжесть, мягкая и тёплая, а затем добавилось мурчание.

Гале снилось, как она стоит на площадке, глядя на всё ту же скособоченную горку, и слышит плач. Мечется по обрамлявшим качели кустам и слышит «Мама, мама». Галя села на кровати, пытаясь понять, где она. Рядом действительно тихо, но протяжно всхлипывал мальчик. Галя замерла, не зная, что делать. Хотела позвать по имени, но к собственному стыду не запомнила, как звали двоюродного племянника, подошла к кровати, погладила по голове и легла рядом. Мальчонка затих, прижался и вновь засопел. Галя попыталась встать, но мальчик развернулся и обнял её за шею.

Вновь вспомнился соседский мальчик, который также тянул к Гале руки, желая поиграть. Стало стыдно и больно оттого, что сейчас уже ничего не исправишь. Нельзя стать маленькой и обнять того Кольку, но можно племянника, такого маленького и тёплого, совсем беззащитного.

Галя прижалась к нему и почувствовала, как катятся слёзы, исчезая в большой пуховой подушке.

Таисия встала рано. Лежала, глядя слепыми глазами сумрак комнаты. Похлопала по кровати. Дуськи не было. «Вот зараза, двери-то я закрыла, ни Дуську, ни правнука не покормила», — подумала она, скидывая тяжёлые ноги с кровати. Задела загипсованную руку и охнула. Боль растеклась по спине и застряла в районе сердца.

Будильник светил зелёными стрелками. Маленькая стрелка, заострённая на конце, замерла на семи, а большая упорно ползла дальше.

Таисия кряхтела, извивалась на кровати, пытаясь найти положение, и сползла-таки на пол. Накинула запашной халат, попыталась по привычке завязать пояс, но бросила бестолковую затею.

Наконец, выползла в коридор, а там и в ванную. Дуська, стрелой выскочила из детской и тут же полезла под ноги. Таисия еле удержалась, заглянула в сумрак комнаты и пригляделась. Галька, холодная и колючая Галька обнимала чужого мальчонку.

Таисия пошла на кухню, открыла холодильник и замерла. Чем кормить гостей. Две котлеты, молока на донце, аккуратно для кофе и полпачки масла.

- Мама? – захныкал Фёдор потирая от света заспанные глаза.

- Уехала мама, — нагнулась к нему Таисия и погладила по голове. – Скоро вернётся. Она дедушку искать поехала.

Фёдор наморщил лобик и прошептал:

- Там чужая тётя.

- Это твоя тётя, — засмеялась Таисия. – Мамки твоей сестра.

- Сестла, — повторил Фёдор и погладил, крутящуюся рядом Дуську. – У другой бабуски коски нет. Только Белька.

- Белка? – удивилась Таисия – Настоящая? И чем же вы её кормите? Орехами?

- Нет, — замотал головой Фёдор. – Она олехи не ест. Бабушка ей колм собачий покупает.

Таисия рассмеялась.

- Как бабушка твоя поживает? Чаю будешь?

Таисия принялась вспоминать есть ли у неё чай и полезла в навесной шкаф, откуда вывалился тонометр.

- У бабульки тоже такой, — принялся Фёдор поднимать коробку. – Она каждый день им жужжит.

- А ты каждый день у бабушки? – рассмеялась Таисия. – В сад ещё не ходишь?

- Хожу, — насупился Фёдор. – бабушка меня забирает, а дедуска отводит.

- Какой такой дедуска?

- Митя, — удивился Фёдор. – А мать у меня непутёвая. Так бабушка говорит.

- Как это непутёвая? – села на табурет Таисия.

- Сама гуляет, а меня бабушке на хлебет посадила.

«Ерунда какая», — подумала Таисия и принялась расспрашивать правнука, но тот талдычил одно и то же.

Шурик рассказывал бородатые анекдоты и время от времени поглядывал на Женю. Она искренне смеялась, словно слышала их впервые. Переживала о сыне и то и дело спрашивала Шурика, не устал ли он.

Сон завладел мгновенно. Шурик моргнул и чуть не врезался во встречную фуру. Последняя злобно гудела и скрежетала колёсами по скользкой дороге.

- Придётся искать мотель, — виновато сообщил Шурик и уткнулся в смартфон.

- Это не страшно, главное живы.

Галя бы раскричалась. Дважды. Сначала за фуру, потом за мотель. Она не выносила рушащихся планов. Требовала всё сразу, забывая иной раз, что вокруг неё живые люди.

Мотель оказался рядом. Домашняя кухня и номер с большой кроватью. От двух комнат они отказались, дорого, да и зачем. Оба взрослые люди.

Женя говорила открыто, не краснела на слове секс и дружески хлопала Шурика по плечу.

- В тебе я уверена, в себе тоже, а денег в обрез.

- Денег и правда лишь на бензин, — кивал Шурик.

Они поужинали пельменями и весенним салатом, поднялись в номер и, скинув тяжёлые куртки, плюхнулись прямо на покрывало. Минуты через три Шурик услышал ровное дыхание. Женя спала, а он смотрел на изгиб её тела, волосы, переливающиеся в свете полной луны, и вновь сравнивал с Галей.

Сон растворился, а настырные мысли принялись терзать его бедную голову: «Когда Галя стала другой? За что-то же он полюбил свою женщину?» Любил ещё утром, а сейчас был вы себе не уверен. Шурик крутился на продавленном матрасе, отгоняя от себя сладкие мечты и сам не заметил, как провалился в тяжёлый сон.

- Вставай, — почувствовал Шурик лёгкое похлопывание.

- Сколько времени? – спросил он, пытаясь понять, где находится.

- Девять, — ответила Женя.

- Как девять? – вскочил он.

На небольшом столике стоял поднос с завтраком: кофе, хлеб с маслом и сыром, пара вареных яиц.

- Надеюсь, у тебя нет аллергии? — уплетала Женя яйцо. – Я решила не шиковать. Сытно и по-быстрому. Рядом с мотелем магазин. Запаслась продуктами. Жаль, термоса нет.

- И яйца сварила? – не верил Шурик своим глазам.

- Нет, на них пришлось потратиться в кафе. Кофе растворимый, три в одном. Или ты чай любишь?

- Я всё люблю, — улыбнулся Шурик и, отхлебнув из пластиковой кружки, направился в ванную. – Пойду умоюсь.

Шурик посмотрел в треснутое зеркало и тихо выругался. Ещё один такой день и к Гале он не вернётся. Дело даже не в Жене. Он вспомнил, что может быть по-другому. За суетой забыл, как это было. «Да и Женька сама хороша. Надо брать разные комнаты», — подумал он и окатил лицо ледяной водой.

Днём дело пошло быстрее. Пустая трасса с довольно сносным покрытием позволили домчаться за три часа. Женя молчала, перекидывалась редкими фразами, словно чувствовала возникшее напряжение. Пыталась говорить об отце, но слёзы давили горло.

Они пообедали бутербродами, прикупив в кофемате напитки, и принялись искать нужный двор в абсолютно чужом городишке. Два часа плутания и созвонов с женщиной, скинувшей видео с отцом, привели-таки их к заветным мусорным бакам.

На улице было холодно и пустынно. Колючий ветер проникал в старенький автомобиль и заставлял пассажиров поджимать застывшие ноги.

- Через час потемнеет, — произнёс Шурик. – Что будем делать?

- Я не знаю. Как его искать? Может, обратимся к участковому?

- Погоди.

Шурик выскочил из машины и пошёл наперерез мужчине в рванной дублёнке. Женя смотрела, как её спутник достал деньги и сунул незнакомцу. Затем помахал ей и жестом позвал к себе.

Она медленно вышла из машины. Сердце принялось стучать всё громче и громче. Ноги сделались ватными. «Неужели, это отец», — думала Женя, осторожно ступая по выглаженному ветром тротуару.

Незнакомец дождался девушку, развернулся и поплёлся в обратную от контейнеров сторону. Шурик и Женя поспешили за ним.

За пятиэтажками показался частный сектор. Незнакомец прибавил шагу, и не оборачиваясь, закрывшись от ветра упрямо шёл вперёд. Ухоженные домики сменились

развороченными строениями. В конце улицы из низкой трубы клубился дымок. Незнакомец остановился у покосившейся калитки, поджидая Женю и Шурика.

- Тут он жил.

- К хозяевам проводишь? – спросил Шурик.

Незнакомец помялся. Только сейчас Женя увидела заплывший синевой глаз.

- Сотку накинь. Я им должен, — занял незнакомец и, получив деньги, пошел к дому, дёрнул на себя облезлую дверь.

В нос ударил запах перегара и немых тел.

- Это к Котлете, — крикнул незнакомец и, резво развернувшись, направился к калитке.

- Кто? – послышалось из глубины дома.

- Я отца ищу, — принялась объяснять Женя. – Мне...

- Не ори, выпить есть? – зашевелилась куча тряпья на драном диване.

- Нет, — ответил Шурик.

Он стоял в проходе, и Женя не видела всей комнаты.

- Сгоняй, купи, — зашевелилась куча.

- Мы купим, — протиснулась вперёд Женя. – И выпить, и закусить. Вы нам расскажите, где найти этого мужчину?

Она, не поморщившись, села на диван и включила экран смартфона.

- Не свети, — у тряпья появилась голова с рыжей всклокоченной бородой и такой же неухоженной копной волос. – Зачем он тебе?

- Я отца ищу, — повторила Женя.

- Вона как. Не врал Котлета, действительно дочь искала. Опоздала ты.

- Как? – побледнела Женя.

- На неделю опоздала. Замёрз Котлета. Руки, что дерево, хоть чечётку бей. Помянуть надо бы, — посмотрел рыжий на Шурика.

- Сходи, — кивнула бледная Женя.

Шурик помялся, не зная, стоит ли уходить, оставляя Женю наедине с неизвестным мужчиной.

- Я Иваныч, — вынырнул из тряпья рыжий и протянул руку Шурику. Затем переключился на Женю. – Тута он спал. Вещей немного. Смотри. Мож узнаешь чего.

- Сходи, помянуть надо, — пристально посмотрела Женя на Шурика и тот согласился.

Выйдя на улицу, он встряхнулся, пытаясь сбросить с себя застоялый запах, и посмотрел на карте ближайший магазин. Шурик понимал, что они искали бомжа, а значит, нечему удивляться, но другое ему не давало покоя. Женя. Что-то было не так. Галя бы не зашла внутрь, не села бы на старый диван. Скорее вылетела пулей, сдерживая рвотный рефлекс. Шурик и сам еле дышал смрадным воздухом. Взгляд, точно взгляд, не давал ему покоя. Шурик прибавил шаг, благо небольшой павильон был рядом. Купил бутылку водки, задумался и прикупил для Жени вина. Не будет же она пить белую. Взял стаканчики, хлеба и колбасы.

Обратно почти бежал. На душе беспокойно. Всё-таки девушка одна в притоне, а он...

В доме, через открытую дверь слышались голоса.

- Котлеты любил, часто мать вспоминал.

- Хороший был человек. Земля пухом.

Шурик зашёл внутрь и оторопел. За грязным столом сидело пять человек: Иваныч, двое мужчин и непонятного возраста и опухшая от побоев дама. Женя пила из горла, передавая бутылку по кругу.

Увидев Шурика, она привычным движением протёрла стол рукавом куртки и махнула рукой:

- Выставляй. Курить взял?

- Нет, — поморщился Шурик и поставил пакет на стол.

- Выпей, — протянул ему бутылку Иваныч, но Шурик отказался.

- За рулём.

- Руль святое.

От разговоров о покойном перешли к политике. Шурик переложил чьи-то вещи с шаткого стула на диван и сел поодаль. Злость тихо кипела, но он старался себя успокоить, находя Жене одно оправдание за другим. Но, когда его вновь попытались отправить в магазин, не вытерпел. Взял Женю под руку и попрощался.

- Нам пора.

- Куда? — посмотрела стеклянными глазами Женя. — Папку поминаем.

- Ты как с женщиной обращаешься, — поднялся один из собутыльников, имя которого Шурик так и не запомнил.

Завязалась драка. Шурика вытолкнули во двор и пригрозили полицией. Ошарашенный он стоял посреди улицы чужого города и пытался осознать произошедшее.

«Не бросать же её, в самом-то деле, — думал Шурик, понимая свою беспомощность. - Вот тебе и Женя: хозяйюшка, широкая душа».

Первым делом Шурик вернулся к машине. Подогнал её к дому и решил дожидаться, когда все уснут. План был прост. Вытащить спящую девушку, загрузить в машину и отвезти обратно к Таисии. Получите — распишитесь. Пусть сами решают, что делать.

Громкий стук в водительское окно вырвал его из раздумий.

- Мужик, купи телефон, — кричал шатающийся мужчина в рваном свитере на голое тело.

- Не надо, — отмахнулся Шурик.

- За пятихатку возьми, — канючил он.

Включил экран, поднеся телефон к самому стеклу, и Шурик увидел на заставке Женю.

- Давай, — показал он, что согласен и вышел из машины.

Взял невысокого мужичка за шиворот и хорошенько потрянул.

- Обворовать успели. Девчонка к отцу приехала.

- Она сама, — отшатнулся мужик. — Продай, говорит, выпить купи. Твоя баба, что ли? Так забери мобилу.

Шурик смотрел на маленького Федю и решил было образумить Женю ребёнком, но телефон пискнул и завибрировал. На экране высветилось «мамуся».

- Наконец-то, двадцатый раз звоню, — раздался в трубке зычный женский голос.

- Здравствуйте, — ответил Шурик и принялся сбивчиво рассказывать о происшедшем. — Я не знаю, что делать.

- Ничего, - голос осыпал Женю матом и продолжил. — Ребёнок где?

- У Таисии.

Шурик выслушал очередную порцию мата.

- Ничего не сделаешь. Неделю пить будет, потом просить денег на дорогу. Ты-то ей кто, ебарь?

- Я Галин муж.

- Так и возвращайся к Гале. Телефон прошмандовке не возвращай, пропьёт. Денег не давай. Адрес мне продиктуй. Сама к ней наведаюсь.

Шурик нашёл на соседних строениях название улицы, назвал примерный номер дома и отключившись сел обратно в машину. Всё казалось дурным сном: и Женя, и путешествие, и пьянка в бомжатнике.

Надо было вернуться, но чувство ответственности не давало покоя. Хлопнули двери. На разбитом крыльце показалась Женя, обнимающаяся с каким-то хмырём. Он пытался снять с неё свитер, а она задорно смеялась.

Шурик сжал зубы и дал по газам. Через три часа он остановился в том же мотеле. Долго стоял в душе под струёй горячей воды, пытаюсь смыть с себя собственное предательство и запах притона. Спал плохо и с рассветом вновь сел за руль.

Галя проснулась и тихо лежала на кровати не открывая глаз. Казалось, моргни она, и ощущение покоя разрушится. Спать уже не хотелось, но и вставать тоже. Галя прислушивалась к себе, зная, что где-то под ложечкой потягивается лапками маленькое счастье. В детстве, она верила, что внутри нее, там, где расходятся ребра, живет маленький черный котенок. Он мурлычет от удовольствия и трется своим пушистым боком о детское сердечко, если вокруг сгустились серые тучи.

Сегодня ночью Галя видела своего котенка, чувствовала его тепло и гладила взъерошенную голову. Жаль, что это был всего лишь сон. «Котенок!»- взорвалось внутри Гали и она вскочила с кровати, огляделась.

Зимнее солнце пыталось пробраться в окно, но постоянно скатывалось за снежную пелену. Ворох мыслей лавиной обрушился на разомлевшую Галю: мальчонка, Шурик, Таисия, Женя, племянник, которого она приняла за котенка, своего маленького котенка.

Слезы выступили в уголках глаз, и Галя чувствовала, как сжалось горло, пытаясь выдавать застарелую обиду, которая давно уже заняла место пушистого существа. Справившись с собой, Галя встала и направилась в уборную, мечтая не встретить по пути Таисию. Схватила по пути телефон и на ходу пролистала сообщения – Шурик молчал.

- Доброе утро, - поцедила сквозь зубы Галя в сторону кухни и собиралась было прошмыгнуть в совмещенный санузел, н была поймана озорными глазенками.

- Доброе утро, сестла! – выглянул из-за угла Федор.

- Почему сестра, - рассмеялась Галя, вспомнив отчего-то некогда любимые «Звездные войны».

- Бабуська сказала, ты мамина сестла, а моя тетя.

- Тетя, - поморщилась Галя. – Давай я буду сестлой.

- Давай, - улыбнулся Федор.

- Проснулась? – выглянула из кухни недовольная Таисия. – Морду мой и в магазин. Ребенка кормить надо.

Галина опешила, но кивнула. Холодная привела ее в чувства. Где-то она уже слышала эти слова, нет не по отдельности, а все вместе. И тон, и мальчишка. «Как же! - усмехнулась она. – Колька. Один в один» Галя вспомнила как бегала для соседского ребенка в магазин, как сидела с ним, вместо прогулки и таскалась, взяв за руку, по детской площадке, пока подруга флиртовала с нравившемся Гале пареньком. Все как тогда, вот только ей уже не пятнадцать «Или сколько же мне тогда было?». – силилась Галя вспомнить.

Хотелось послать всех к черту: и Таисию и этого Федю-Коляна. Сейчас она найдет что сказать им обоим, вот только предательская обида поднималась все выше, лишая голоса, рвала глаза и лезла предательскими слезами. Галя села на край ванны и разрыдалась.

- Ты чего? – заглянула к ней Таисия.- За Шурку своего переживаешь? Прекрати. Женя конечно девка о-го-го, не в пример тебе, а Шурик дуралей, раз такую выбрал, сердцу не прикажешь, а он у мужа твоего верное.

- Ты о чем, ба? – опешила Галя.

- С работы турнули? С матерью чего? – повисла на двери Таисия.

- Ты чего, ба? – вскочила Галя. – Хорошо все. Устала немного, умоюсь и в магаз.

Галя увидела за Таисией испуганные глазенки Фёдора и побледневшие руки, упирающиеся в уши.

- А с тобой что случилось? – присела Галя напротив Федора.

Меленькие глазенки замерли, а руки порозовели. Федор приоткрыл одно ушко, прислушался, затеи приоткрыл другое.

- Бабуська, ты не будешь сестлу бить?

- Нет, дурачок, ты чего это удумал, - сползла Таисия и заплакала.

Галя принялась успокаивать бабушку, и сама вновь разревелась. Так они и сидели на полу в коридоре, пытаясь унять общие слезы, а Федор хлопал большими ресницами и не

мог понять отчего это все случилось. Пытался и сам захлопать носом, но принялся успокаивать обнявших его женщин.

Телефон взвизгнул сообщением, а потом разразился моднёвской мелодией. Галя принялась вытирать слезы. Звонила мать. «Если и ей не ответить, количество рыдающих увеличится, а там прибегут соседи и будут требовать денег на ремонт», - от этих мыслей Галя улыбнулась и прошептала, шмыгая красным носом: «Пойдемте пить чай!»

Мать расспрашивала о Жене, о проведенной у Таисии ночи и о том, почему у дочери грустный голос, но Галя, говорила о том, что все хорошо и подмигивала Федору.

- В магазин-то пойдешь? – осторожно спросила Таисия.

- Одна нет, Федьку возьму, пойдешь?

- Пойду! – засветился от счастья Федор и выскочил из-за стола

Весь день они провели вместе. Сначала бродили по пустому в утренние часы супермаркету и выбирали продукты. Фёдор то и дело останавливался и хлопал глазами, словно никогда не бродил между высоких стеллажей. Подолгу выбирал мороженое, которое они потом вместе ели прямо на скамейке возле подъезда, потом играли в снежки, помогли готовить котлеты: крутили фарш под строгим взглядом Таисии Петровны, формировали мясные пирожочки и кормили Дуську. После обеда они читали книжку, спали в обнимку, играли в старые дедовские машинки.

Только вечером Галя вспомнила о Шурике, но так и не решилась написать. Усталость сморила и её, едва Фёдор засопел под большим ватным одеялом.

Следующим утром Галя сама хозяйничала на кухне. Внимала замечаниям бабушки и удивлялась собственным метаморфозам. Звонила мать. Осторожно интересовалась делами и отключалась.

Шурик прибыл в обед и тут же попал ловушку женских расспросов. Уверенно лгал про то, как устроил Женю в хостел, как они искали вместе, но не нашли сына Таисии Петровны, как его вызвали на работу, а внучка осталась искать дальше. Благо репетировал всю дорогу и не прокололся, не сбился. Виновато поглядывал на Галю, хлопотавшую на кухне и с удивлением заметил, как быстро жена подружилась с Фёдором.

Решено было пожить у Таисии. Дождавшись пока, все уснут, Шурик поведал Гале о своих злоключениях.

- Надо мальчишку спасать, — прошептала она. – Знаешь, как он вчера плакал.

- Кто?

- Да Федя. С такой мамашей-то.

- Вот в том то и дело. Нагуляла, — поморщился Шурик, – и кто знает какие там гены.

- Детские, — ответила Галя и отвернулась.

Неделю Шурик не находил себе места: переживал и за Женю, и за Таисию, и за Галю. Слишком уж она привязалась к мальцу. «Хороший парень», — думал он, глядя на то, как жена играет с племянником, но прокручивая в памяти поездку, вздыхал и хотел лишь одного – забыть и то как сам был готов на измену, и опустившуюся Женю. Боялся расспросов, которые, так или иначе, будут, но Таисия молчала, словно не было ни Жени, ни поездки.

За месяц всё пообвыкли, притёрлись.

Таисия не находила места. Смотрела на внучку и Шурика исподтишка. Боялась. Знала, скрывают что-то, но что? «Пока нет плохих вестей, все здоровы», — повторяла она и не лезла с вопросами. Давно Таисия мечтала о семье. Вот они рядом, всё на глазах. Днём следила за правнуком, вечером с ним занималась Галя. Лишь ожидание горя, скрытое под маской спокойствия, становилось сильнее.

Таисия не удивилась звонку: позднему и тревожному. В дверях стояла постаревшая невестка и чёрная исхудавшая Женя.

- Сына верни, — просипела она,

- Пройди, негоже на пороге, — отошла Таисия в сторону.

В коридор выглянул Фёдор и спрятался за угол. Бросился к Гале.

- Там мамка и бабка, бить будут, — затрясся он.
- Не будут, — побледнела Галя. — Ты с нами останешься.
- Она мать, — встал с дивана Шурик, понимая, что сейчас разразится скандал. Вышел в коридор и нарочито громко поздоровался с поздними гостями.
- Некогда нам проходить, — ответила Юля. — Бросил девку в притоне, а теперь

проходите.

- В каком притоне? — посмотрела на Шурика Таисия, а затем обратилась к Жене. — Девочка, ты же отца поехала искать, нашла.

- Сдох папаня, не успела она, но напоминокалась так, что чуть трусы не пропила. Вся в твоего сына алкоголика.

Затрещина обрушилась на голову Жени. Юля вошла в раж и принялась колотить дочь. Таисия покачнулась и побледнела. Сзади раздался плач Фёдора и крики Гали.

- Прекратите! Вы пугаете Федю.

- Кто умер? Когда? — смотрела на Шурика Таисия.

- Галюсь, бабусю подхвати, я с этими шаболдами разберусь, — позвал жену Шурик и вытолкнул за двери дерущихся женщин. — Сунетесь, я ментов и опеку приглашу. Пусть они разбираются.

В тот же вечер Таисия слегла и уже не вставала. Через три дня она умерла.

Галя крутила фарш и вытирала слёзы. «Бабушка любила котлеты», — думала она, то и дело бегая к туалету. Ранний токсикоз и внезапная смерть бабушки лишали сил, но она упорно стояла у старенькой мясорубки, словно старалась измолоть и старые обиды, и собственную глупость, кидая время от времени Дуське мясные кусочки. В углу кухни пищали ещё слепые котята.